

© — ОЛЯ — 1990

И. В. КОНДАКОВ

РОМАН «ДОКТОР ЖИВАГО» В СВЕТЕ ТРАДИЦИЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Поистине, опыт прочтения современниками романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» представляет собой одну из самых печальных страниц истории русской критической мысли. Иной раз даже кажется, что читатели и критики независимо от уровня своего профессионализма как будто соревновались между собой в нарочитом непонимании романа — и в идейно-философском, и тем более в художественно-эстетическом отношении (вплоть до прямого отказа этому произведению в художественности!). Загадкой для критиков (вплоть до самого последнего времени, уже спустя несколько лет после журнальной публикации романа в Советском Союзе) оставалось и то предпочтение, которое отдавал своему роману поэт, считавший его своей Главной книгой и Событием своей жизни, перевернувшим все его творческие представления, и само настойчивое тяготение Пастернака к прозаическому творчеству. Сюжет представлялся этим критикам вялым и чрезмерно забытовленным, отнюдь не цементирующим идейно-образный материал романа, образы казались во многом вторичными, где-то уже встречавшимися, характеры, начиная с характера заглавного героя, — бледными, невыразительными, словно карандашный набросок. Станным казалось и слишком явное, даже демонстративное подчинение поэзии (в виде стихотворной тетради Юрия Андреевича) прозаическому целому, при том что постулировалось несомненное превосходство пастернаковской поэзии над пастернаковской же прозой... Иными словами, у критики находилась масса поводов подвергать сомнению само художественное своеобразие романа, не говоря уже о его совершенстве.

Правда, трагическая судьба романа, а через нее и вместе с нею и судьба писателя (искусно организованная политическая кампания вокруг публикации произведения за рубежом, присуждения Пастернаку Нобелевской премии по литературе и мнимых идейных пороков романа — кампания, казавшаяся в разгар хрущевской «оттепели» симптомом возврата к сталинскому «железному занавесу» и временам идеологической войны с «космополитизмом» придавали всей этой истории характер политической провокации, задуманной с целью «подкрутить» гайки в сфере культуры и искусства и «приструнить» не в меру разыгравшийся после XX съезда партии либерализм интеллигенции, особенно интеллигенции художественной. Нимб мученичества над челоm великого художника XX века, несправедливые гонения на его творение, продолжавшиеся целых три десятилетия, заочная критика непрочтенного пастернаковского романа, а вместе с ним и всего «сложного» творческого пути писателя — все это было способно даже в современном восприятии предшествующей литературной эпохи скорее снизить действительное значение романа, нежели возвысить его. Получалось, будто бы *обстоятельства* создания по своему интересу и значимости превышали само *создание* и, таким образом, составляли его главный и чуть ли не единственный культурно-исторический